

18+

Скотт Адамс

Gothic love

История о признающих
только черный цвет

Скотт Адамс

**Gothic Love. История
о признающих только черный цвет**

«Издательские решения»

Адамс С.

Gothic Love. История о признающих только черный цвет /
С. Адамс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853476-8

Кто они, эти мрачные создания, признающие только черный цвет? Молодые философы, утонченные юноши и девушки, живущие в своем, неведомом для других мире, где царит дух творчества, любви и размышлений о смерти? Действие романа происходит в наши дни, но это не мешает автору погружать героев и читателей в мрачный, мистический мир, полный одиночества, но в то же время наполненный прекрасными и верными отношениями, разговорами о вечном, поиске себя, утешении в скорби и неповторимой истории любви.

ISBN 978-5-44-853476-8

© Адамс С.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность	7
Глава I. Кто такие готы?	8
Глава II. Готы в маленьком городе	15
Глава III. Ночная, клубная жизнь	24
Глава IV. Душа и снежинки	29
Глава V. Время разбрасывать камни	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Gothic Love

История о признающих только черный цвет

Скотт Адамс

Редактор "Dasha W. Frost" Дарья Уилмот

Корректор "Dasha W. Frost" Дарья Уилмот

© Скотт Адамс, 2018

ISBN 978-5-4485-3476-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

На написание этой книги у меня ушел целый год, и я хочу поблагодарить своего редактора Уилмот «Dasha W. Frost» Дарью, которая начала заниматься редактированием рукописи будучи в Мексике, а закончила уже в Канаде.

Огромную благодарность выражаю своей супруге М. Barton, которая была рядом, во время написания романа с нетерпением ждала каждую главу, и верила в ее успех.

Посвящаю эту книгу всем представителям готической субкультуры за уважение к любым формам самовыражения личности!

Скотт Адамс

Глава I. Кто такие готы?

Зеркало отражало всю комнату и его фигуру, сидящую на кровати. Был пятый час, сумерки уже спустились на город, в комнате было темно, и лишь свет от монитора ноутбука освещал бледное лицо молодого человека. Он сидел на кровати в позе лотоса и смотрел на себя в зеркало – маленькую, худую фигурку в растянутой домашней майке и домашних штанах. Его внешний вид отдаленно напоминал тех готических парней с утонченными чертами лица, которых он рассматривал сейчас в интернете, разве что его недлинные волосы русого цвета не входили ни в какое сравнение с увиденным. Рома перевел взгляд на монитор, еще раз взглянул на фотографии готов и подумал, что нужно что-то менять. Субкультурой он заинтересовался после прогулки с друзьями, когда, проходя мимо одного дома, он увидел, как из подъезда вышла девушка. Она была одета во все черное, с черными, длинными волосами, отчего ее кожа казалась «мертвецки» бледной, с несколькими колечками и гвоздиками пирсинга на лице, в губах, носу и брови. Длинный плащ с клепками и застёжками и тяжелые сапоги, в которые та была одета, дополняли образ. Через плечо была перекинута сумка в тон одежды. Выйдя из подъезда, она повернула направо, как раз в сторону компании Ромы; те посторонились, и она, даже не обращая на них внимания, прошла дальше.

Коля толкнул Рому в бок и скривил гримасу: закатил глаза и открыл рот. Боря тоже изобразил отвращение. Затем они засмеялись, Рома тоже выдавил смех, но не понимал, почему они так отреагировали.

– Динозавры такие, – вдруг сказал Боря. – Я думал их уже не осталось.

– Фрики, что с них взять? – поддержал друга Коля.

– Кто это? – спросил Рома, ничего не понимая.

Друзья переглянулись и засмеялись.

– Ты серьезно? Не знаешь, кто такие готы? – спросил Коля.

– Нет, – честно ответил Рома. Конечно, откуда ему было знать? Жили они в небольшом провинциальном городке, с мамой и бабушкой, а телевизор в их квартире показывал всего три канала, и почти всегда это были бабушкины сериалы или новости с утра до вечера. Телевизор был один на всю квартиру и стоял на кухне, любимом месте обитания бабушки, Тамары Викторовны. Мама же всегда пропадала на работе: она была уборщицей в здании районного управления. Правда, друзьям об этом Рома никогда не рассказывал, да и женщиной она была еще молодой, всегда прилично одетой, вот он и рассказывал всем, что его мама работает в администрации, особо не вдаваясь в подробности. Откуда ему было знать о готах? В школе это не проходят, в новостях не говорят, да и в книжках вряд ли пишут. Хотя...

– Ну, ты хоть эмо знаешь?

– А, ну да, что-то слышал, – отчасти Рома сказал правду: от кого-то он уже слышал это слово, про какое-то молодежное движение, которое было популярным лет десять назад.

– Ну, так вот, готы – это почти то же самое, только без розовых соплей.

– Зато с черными, – засмеялся Боря.

– А в чем разница? – поинтересовался Рома.

– Тебе правда интересно? Да брось, ничего интересного, – отмахнулся Коля.

– Да, интересно, вы так ржали над ней, а в чем смысл объяснить не можете.

– Уроды – одним словом, не знают чем себя занять, вот и наряжаются как чучела.

– Короче, готы ходят во всем черном, носят пирсинг, гуляют по кладбищам, считают себя вампирами и ведьмами, – постарался объяснить Боря.

– И ладно девчонки еще малолетние, но среди них и парни бывают. Дохлаки и дегенераты, красят глаза, выглядят как бабы. Тьфу, – Коля сплюнул и вытер рот ладонью.

– Не забивай себе голову, ты лучше скажи: завтра на тренировку идешь?

– Иду, – ответил Рома и попрощался с парнями. Они жили в Ленинском районе, некогда более престижном и развитом, чем район Верхних вод – или просто Верхнем – где жил Рома. После распада Советского Союза что один район, что другой пришли в запустение: заводы встали, жители начали уезжать, спиваться, и плохо стало во всем городе. О каком процветании было говорить, когда даже старые детские площадки пустили на металлолом, а новые никто не поставил? Правда, во дворе Ромы был один турник – да даже не турник, а просто перекладина – на которой иногда подтягивались молодые парни... или алкаши – на спор, кто сильнее или кто бежит за бутылкой.

После той встречи с девушкой и разговоре о готах Рома хотел узнать больше, но узнавать было неоткуда, разве что навестить брата в Москве и там в интернете найти почитать о них, но Рома даже не рассматривал такую возможность: кто ж его отпустит и даст денег? Своего компьютера или хорошего телефона с интернетом у него не было. Он, конечно, мог бы пойти к Коле: у него и ноутбук был, и интернет, отсюда он такой просвещенный, но идти к нему, чтобы узнать про готы, было чревато насмешками. Коля всегда был рад «закачать» Роме новой музыки на плеер или дать полазить в интернете по учебе, но что-то ему подсказывало, что в этот раз все будет по-другому: Коля просто не поймет его интереса, а что-то объяснять он не хотел, да и сам не знал, зачем ему все это было нужно.

Возле подъезда на лавочке сидели бабушки и что-то обсуждали. У бабушек – скамейка была чуть ли не смыслом всей их жизни: такие войны и крики из-за нее порой возникали! Лавочка была одна, уж так получилось, и непонятно, была она всегда одна или раньше у каждого подъезда стояли, но всю свою жизнь Рома наблюдал эту единственную лавочку у первого подъезда. И где-то с полгода назад началось: в один день лавка оказалась у его, третьего подъезда. Тогда бабушки из первого устроили невероятный скандал, ругались с молодежью, Роме тоже достался допрос с пристрастием: уж не он ли перетащил лавку к своему подъезду? Винили новых жильцов со второго этажа, что это они, не успели переехать, как лавку к своему подъезду перетаскивали. А после бабки просто взяли и перетаскивали лавку обратно к первому. Но через пару дней она снова оказалась у Роминого подъезда, и не просто стояла, а была занята бабками из третьего. Жильцы наблюдали такой концерт по заявкам, который устроили две армии противоборствующих бабушек божьих одуванчиков из первого и третьего подъезда, что все жильцы из окон высовывались и выбегали разнимать их. Оказалось, что это они, бабушки из третьего, и перетаскивали злополучную лавочку к себе поближе. Бабки из первого оказались не согласны мириться с этим, есть у них там и активистка, Валя: она мало того что громогласная, так еще и пьет и дерется. Вооружились как-то раз вениками и пошли на бабок из третьего подъезда, что щепками от веников было усеяно все вокруг. В итоге лавку не вернули, но крику было столько, что даже полицию пришлось вызывать, и скорую кому-то из участниц «битвы за лавочку у подъезда». С тех пор стоит она у третьего, Роминого подъезда, и бабки дежурят, чтобы «не увели». Всегда у них наготове веники и метлы. Ведьмы, одним словом.

Рома поздоровался с ними и вошел в подъезд. Жил он в обычной панельной пятиэтажке, на четвертом этаже. Ремонт последний раз в подъезде делался давно, стены покрывали различные нецензурные надписи, рисунки, но что-то привлекло внимание Ромы. Он остановился и присмотрелся: на стене было написано: «Готы-уроды!». Никогда прежде он не замечал этой надписи, хотя она была написано давно, но ему стало очень обидно, словно речь шла не про всю субкультуру, а про ту самую девушку, которая так ему понравилась. Рома достал из рюкзака черный маркер и закрасил слово «уроды», а ниже подписал «прекрасны». Отперев ключом дверь, он вошел в квартиру и скинул рюкзак, и, сняв верхнюю одежду, бросил ее на табурет, стоящий здесь же. Из кухни, что в конце коридора, показалась бабушка, Тамара Викторовна.

– Пришел? Мой руки, садись за стол, я суп приготовила. Картошка жарится.

– Не хочу, баб, – вскользь ответил Рома, но руки мыть пошел.

– А вещи что опять кинул? Я тебе петельку там пришила, повесь. В училище тоже так кидаешь?

– Не училище, а колледж, сколько можно повторять?

– «Колледж», скажите, пожалуйста! А когда я прошу вешать вещи на крючок, можно запомнить? Уберу из коридора табурет – на пол кидать будешь?

– Буду! – ответил Рома, надеясь, что из-за шума воды, бабушка не услышит.

– Будет он! – услышала все-таки. – Я матери скажу, чтобы новую куртку тебе не покупала, раз не бережешь.

Рома ничего не ответил и старался особенно не вслушиваться в то, что бабушка там говорит.

– Скажу, пускай в старой ходит, ты ему новую купишь – он и ее на пол швырять будет.

– Ну, скажи!

– А вот и скажу!

– Все, отстань баб, у тебя там картошка горит.

Тамара Викторовна наспех повесила куртку и побежала на кухню открывать форточку, так как вся кухня наполнилась дымом и запахом горелой картошки. Рома прошел на кухню и сел на стул.

– Ну, ты глянь, куда ее теперь? – спросила она вслух.

– Выбрасывай, что делать-то?

– Выбрасывай! Мы в войну голодали, а вам все выбрасывай. Сейчас посмотрю, может что получится тебе на второе.

– Да не надо баб, выброси или сама ешь, я не буду.

– В училище поел?

– Не училище, а колледже. Да, поел.

– Знаю я, как ты поел. Все батончики свои эти и колу.

– И что? Не хочу я есть.

– Потому что аппетит перебил, вот и не хочешь. Давай хоть первое налью?

– Да не надо баб, сама поешь, я потом с мамой.

– Ну как знаете, – обиделась бабушка, выбирая из сковородки уцелевшую картошку.

Вечером вернулась мама. Войдя в квартиру, она отдала пакеты с продуктами Роме, и тот пошел на кухню.

– Наташа пришла? – удивилась бабушка, оторвавшись от новостей.

– Да, как видишь, – сказал Рома, разбирая продукты.

– Наташ, ну зачем ты эту колбасу покупаешь? Лучше бы мясо взяла на суп!

– Рома любит, – только и всего ответила мама.

– Любит он! – опять начала бабушка. – Опять свои бутерброды будет есть, а суп есть не стал.

– Мам, не кричи, дай домой в тишину прийти, одну тебя и слышно. Что не так? – мама вошла на кухню.

– Чего колбасу-то купила? Химию эту?

– Роме, – еще раз сказала мама.

– Нет, ну я не могу, говоришь вам, говоришь...

– Не начинай мам, пусть хоть бутерброды ест.

– Лучше бы суп ел, – настаивала бабушка.

– Лучше! Но ведь не ест?

– Не стал есть, – развила бабушка руками.

– Значит, пускай бутерброды делает и ест. Ром, поставь чайник, пожалуйста.

– Хорошо.

– Куда? – закричала бабушка, увидев, что Рома хочет открыть колбасу. Наталья Семеновна и Рома переглянулись и посмотрели на бабушку.

– А котлеты я для кого жарила?

– Ну ладно тебе мам, я голодная. А котлеты на ужин будем.

– Аппетит перебьете себе... – начала бабушка, но у мамы зазвонил телефон.

– Мам, подожди, – мама ответила.

– Да... Да, Женечка, привет.... Завтра? Ну хорошо... Давай, приезжай... Ромка будет и бабушка... Чего привезти? – мама отвлеклась от разговора по телефону. – Ром, Женя спрашивает, что тебе купить.

Женя был Ромин старший брат, уже года три он не живет с ними: переехал в Москву, работает, иногда навещается в гости и всегда с подарками и интересными рассказами о столице.

– Мам, дай мне, – попросил Рома телефон.

– Да, Жень! Привет!

– Чего купить, кому? – не поняла бабушка, что происходит.

– Роме, мам.

– А чего ему покупать? Ничего ему покупать не нужно, он вон свои вещи разбрасывает... – начала бабушка, но Рома посмотрел на нее и вышел из кухни, закрыв дверь.

Вернувшись, он протянул маме телефон.

– Спасибо.

– Ну, что говорит?

– Завтра придет, – спокойно ответил Рома, но в душе он ликовал, потому что попросил брата привезти ему какой-нибудь ноутбук, и тот пообещал, что привезет. Потом посмотрел на бабушку, тихую и молчаливую.

– Баб, чайник вскипел, бутерброды с чаем будешь? – спросил Рома и посмотрел на нее.

– Буду! – сказала она и, улыбнувшись, хлопнула рукой по столу.

– Пас, пас, – кричал Коля, пока Рома вел мяч. Тот ловко обвел соперника и дал пас направо, Коле. Тот, завладев мечом, повел его к воротам и ударил по мячу. Штанга. Тут же прозвучал свисток тренера.

Коля взялся за голову.

– Да ладно, бывает, – похлопал его по плечу Рома и пошел в раздевалку вместе со всеми.

По дороге домой они шли, бурно обсуждая игру. Была суббота, морозный и солнечный день. Выходной. Обычно после тренировки они шли пить пиво в Ленинском районе, либо во дворе у Коли, либо на площадь, на лавочку.

– Ладно, парни, я домой, – сказал Рома.

– Подумаешь – проиграли! Пойдем пивка попьем? – сказал Боря.

– Да пускай идет, – отрезал Коля.

– Да я не из-за игры, ко мне брат приезжает сегодня.

– Ааа, ну тогда ладно, давай, Женьке привет, – сказал Коля, поняв, что причина действительно не в проигрыше команды.

– Давай, удачи. Я тебе позвоню вечером, может, выберешься.

– Хорошо, давай, – сказал Рома, они пожали руки.

Домой он шел в приподнятом настроении: Рома ожидал не столько приезда брата, сколько ноутбук, который попросил у него по телефону. Полночи, сегодня утром и во время игры он то и дело думал про ту девушку, что видел накануне, и ему не терпелось узнать побольше о ней и этой субкультуре.

– Рома, к тебе брат приехал! – известила меня одна из старушек у подъезда.

– Спасибо, – сказал он, а сам подумал, что сервис в лице бабок на лавочке становится чересчур навязчив.

Вбежав на четвертый этаж, он отпер дверь и не вошел в квартиру. Дома пахло выпечкой: никак бабушка печет пирожки, которые Женька так любит. Послышался голос мамы, у нее сегодня выходной. Рома снял куртку и бросил на пол, точнее положил на табурет, но табурета не оказалось на своем месте, и куртка оказалась на полу. Из кухни на Рому смотрела бабушка, скрестив руки на груди и зажав в ладони деревянную лопатку для переворачивания котлет. Роме ничего не оставалось, как поднять куртку и демонстративно повесить ее, при этом раскланявшись бабушке. Та вернулась к готовке, а Рома прошел следом на кухню.

– А вот и ты! Здорово! – протянул руку Женька, Рома пожал ее и обнял брата. Последний раз они виделись в конце лета, когда тот приезжал в отпуск, а сейчас уже стоял снежный ноябрь.

– Привет, как добрался?

– Лучше всех, пойдем, я там тебе привез кое-что, – сказал Женька и, встав со своего стула, повел его в Ромкину комнату.

– Ты вообще как, надолго к нам?

– Нет, у меня вечером поезд, утром уже в Москве буду.

– Понятно, – с грустью сказал Рома. – Показывай, что у тебя там?

– Смотри, не знаю, пользовался ли ты «маком», но в общем вот. Не самый последний, конечно, но вещь хорошая, – Женька достал из коробки новый ноутбук MacBook Air.

– Ничего себе, Жень, я и не думал... Спасибо!

– Да что я, любимого брата порадовать не могу? Чего тебя старым «железом» пичкать? Ладно, ты тут занимайся, скоро обедать будем, – сказал Женька и пошел к выходу.

– Жень, – окрикнул его Рома.

– Да?

– Еще раз спасибо! Ты же знаешь, у нас всего три канала на телике.

– Да, и с бабушкой воевать не советую: она свои сериалы как смотрела, так и будет смотреть. Учеба-то как?

– Да нормально. Вот в футбольную секцию записался, с парнями гоняем.

– О, футбол – это круто. На стадионе играете?

– Ага, не на коробке ж нам играть?

– Ну, тоже верно.

За ноутбуком время пролетело незаметно, они с Женей долго разбирались, настраивали его, подключали интернет, а после ужина он уехал.

Когда Рома стоял у подъезда в ожидании такси, у него зазвонил телефон.

– Здорово! Ну что, придешь к нам? – спросил Боря.

– Да, сейчас Женьку в такси посадим и приду, – ответил Рома и посмотрел на мать. Та недовольно вздохнула, и Рома отошел чуть дальше.

– Давай, как выдвигаться будешь, пересечемся, в магазин зайдем, я тебя встречу.

– Да у меня денег не особо, – сказал Рома еще тише.

– Забей, футболист тут один есть, он угощает, – захихикал Боря и, по всей видимости, Коля ему двинул, что тот взвыл, затем началась возня и связь прервалась.

В конце дома показалось желтое такси.

– Ну что, давайте прощаться? – и Женя обнял мать.

– Давай, братишка, как выучишься, приезжай. Надеюсь, я уже на ногах буду крепко стоять, поживешь, посмотришь, что к чему?

– Когда это еще будет? – усмехнулся Рома и пожал руку брату. – Да и потом, что я там забыл? Москва как Москва, я и в интернете на нее теперь посмотреть смогу.

– Одно дело смотреть, а другое дело жить. Город интересный, серьезный, любит, чтобы слово с делом шли бок о бок, а тут... – Женя осмотрелся. – Тут на пенсии хорошо, воздух, тихо, спокойно, а пока молодой, нужно вкус жизни почувствовать. Ты подумай.

– Хорошо, – ответил Рома, и Женя взял брата под локоть и отвел на пару шагов.

– Ты это... В общем вот, держи – и протянул две купюры по пять тысяч.

– Да ладно тебе! – отшатнулся Рома. – Вон, матери отдай лучше.

– Матери я деньги еще по приезде передал, а это тебе. Ну, мало ли, с друзьями посидеть, с девушкой в кино сходить, из шмоток что купить. Бери-бери, – и всучил деньги брату.

Для Ромы это была крупная сумма, и он даже не представлял, как можно «посидеть» с друзьями на такие деньги. Девушки у него не было, за квартиру он не платил, вещи ему покупала мать или давала ему деньги, чтобы он купил себе вещи сам, по своему вкусу.

– Спасибо, Женька, – смутился Рома.

– Ты за старшего не расстраивай мать и бабушку. Это сейчас кажется, что они железные, а оторвешься от дома – поймешь, что жизнь у них несладкая, и лишний раз их лучше не огорчать.

– Женя, ну что вы там? Машина ждет, давайте уже, прощайтесь. У тебя поезд, еще опоздаешь, – начала мама.

– Бегу, – и, потрепав брата по голове, подхватил вещи, поцеловал мать и сел в машину.

Автомобиль тронулся и тихонько поехал, увозя с собой Женьку. К подъезду, шатаясь, подошла Валя и села на скамейку. На ней были домашние тапочки и распахнутый, выдавший виды пуховик поверх растянутой футболки.

– Сын? – хриплым голосом спросила она у Натальи Семеновны.

– Сын, – подтвердила женщина, до конца не понимая, кого Валя имела в виду – Женьку, что уехал, или Рому.

– Мам, ты иди домой, – вкрадчиво начал Рома, и мать взяла сына под руку. Тот подвел ее к подъезду. – Не нужно с ней...

– Да брось, Ром, соседи все-таки, – но Рома скривился и покосился на Валю. – Уж какие есть, – улыбнулась мать.

– Я гулять с парнями пойду, – сказал Рома. – Не жди меня, я не поздно.

– Так холодно, какие гулянки?

– Мам, меня пацаны весь день ждали, не мог же я Женьке внимания не уделить?

– Ага, компьютеру скорее, а не Женьке. Матч, что ли, выиграли?

– Да, выиграли, – соврал Рома, хотя это не было у него в привычке, и он отвел взгляд.

– Ну тогда ладно. Поздравляю. Давайте там, много не пейте, – и похлопала сына по плечу.

– Мама, да мы не...

– Да знаю я! – перебила та, и махнула на сына рукой. – Вон, если не хочешь так жить, – и Наталья Семеновна показала на Валю, которая курила на лавочке. – Много не пей.

– Хорошо, все, я побежал.

Всю дорогу Рома шел, зажав деньги в кармане, и ругал за то, что не оставил их дома.

Через десять минут он был на перекрестке, где проходила условная граница районов, где обычно они прощались с парнями после учебы или тренировки.

Здесь, под светом фонарей, его уже ждали друзья, но, по всей видимости, что-то произошло. Боря топтал снег, смотря себе под ноги, а Коля стоял под фонарем и крутил в руках телефон.

– Ну что, погнали? – с ходу спросил Рома, и те обратили на него внимание.

– Ага, пошли! Коль! – позвал приятеля Боря, но тот продолжал стоять под фонарем и вертеть в руках телефон.

– Что такое? – не понял Рома.

- Да этот олень, футболист недоделанный...
- Слышь! – активизировался «футболист».
- Да ладно, хорош Вам! В чем дело-то?
- Короче, хотел мой телефон из рук вырвать, а в итоге свой уронил... И все.
- Так он ведь новый был! Может, там гарантия какая?
- Х*янтя! – съязвил Коля. – Мне в Москву его ехать менять?
- Я говорю, давай вон Димку Панова попросим, он, вроде, шарит в телефонах.
- В лохах, вроде тебя, он шарит. Если полезет в него и не сделает, то все, ни в какой сервис можешь его не нести.
- Да, Коль, сегодня явно не твой день, – вздохнул Рома, но Коле это не понравилось, и он покосился на друга, а затем убрал телефон в карман.
- Пошли уже. Холодно, – пробурчал тот и пошел вперед.

- А говорил денег нет! – увидев у Ромы крупные купюры, удивился Коля.
- Это не то... Точнее... Короче, это Женька маме передал, за квартиру заплатить, – сказал Рома, поняв, что зря он достал из кармана деньги при всех.
- Понятно, – усмехнулся Коля.
- Кстати, как Женька? – спросил Боря.
- Хорошо, – коротко охарактеризовал встречу с братом Рома.
- Тем временем Коля набирал пива и чипсов, а затем уже на кассе неожиданно выругался.
- Что такое? – спросил Боря.
- Да не хватает! – сказал Коля, стараясь не смотреть на продавщицу.
- Ну ты и олень! – заголосил Боря. – Выронил, что ли?
- Коль, а куда ты столько набрал? – удивился Рома, смотря на прилавок с кучей недешевого пива и всяких сухарей и чипсов.
- Так отметить хотел – сказал Коля, почесав шею.
- Ага, или горе залить!
- Хорошо, сколько не хватает? – подключился Рома.
- Да у меня всего двести, – признался тот.
- Делать было нечего, продавщица уже пробила, и Роме пришлось расплатиться. Двухсот рублей Рома так и не увидел ни при оплате, ни потом, когда они сидели на площади и болтали о всякой ерунде.

Глава II. Готы в маленьком городе

Утром Рома проснулся с больной головой и почувствовал, что так плохо ему еще никогда не было прежде. Он не мог вспомнить, как пришел домой, а посмотрев на часы, и вовсе впал в отчаяние: был уже четвертый час дня. Свою одежду он нашел раскиданной по полу. Встав с постели, он, шатаясь, подобрал джинсы и, вспомнив о деньгах, оставленных ему Женькой, проверил карманы. В них он обнаружил четыре тысячи рублей, несколько чеков и мелочь, которую он рассыпал по полу, переворачивая штаны. С досадой, Рома сел на постель и постарался привести свои мысли в порядок, насколько это было возможным. Он вспомнил, что они беспечно играли в снежки и, кажется, даже кидались ими в мирно проходящих прохожих. И, кажется, они вновь и вновь возвращались в магазин. В таком случае, получается, что все деньги Рома потратил сам, вчера вечером. Парень вздохнул с досадой, убрал деньги в карман и оделся. В коридоре висела его куртка, в ней тоже была кое-какая мелочь и телефон, но звонить он все равно никому не хотел.

– Проснулся? – спросила бабушка, появившись у Ромы за спиной.

– Угу, – пробурчал Рома.

– Пошли, я тебе отвар сделала, выпьешь.

– Какой еще отвар? Ничего не хочу.

– Пойдем, иначе до вечера пролежишь с больной головой, – сказала бабушка и поплелась на кухню.

Рому удивило, что она так спокойно отнеслась к тому, что он вчера пришел домой пьяным, и ему было очень стыдно: уж лучше бы она кричала на него, тогда бы все было более-менее как всегда, а сейчас он не знал, чего ожидать.

– Друзья твои вчера привели тебя. И когда только завести таких успел? – сказала бабушка, когда тот вошел на кухню и сел за стол.

– Хорошие ребята, баб, – отрезал Рома.

– Видно, какие хорошие, – она замолчала. – Хорошо хоть на улице не оставили, а то замерз бы под забором где-нибудь.

– Мы вчера выпили немного, победу отмечали в матче, – сказал Рома, надеясь, что на бабушку это как-то повлияет.

– Они тоже с тобой на тренировку ходят? Никогда бы не подумала.

– Что значит «тоже»? Это Коля и Боря, баб, ты их не узнала, что ли?

Но бабушка лишь поставила перед ним чашку с какой-то плавающей в кипятке травой и сказала: «Пей», – а сама ушла к себе в комнату.

Рома давился бабушкиным отваром, но после каждого глотка, ему становилось действительно лучше. Голова перестала гудеть, и уже не было такой слабости и усталости. Допив отвар до дна, он вытряхнул траву из чашки и помыл ее за собой.

– Баб, я к Коле пойду, – сказал Рома, заглядывая в комнату к бабушке. Та раскладывала пасьянс возле окна.

– Что? Никуда не пойдешь, – отрезала бабушка.

– Баб, я не спрашиваю, я ставлю тебя в известность. Все, я ушел, – бабушка ничего не ответила.

Рома одел кроссовки, накинул куртку и хотел открыть дверь ключами, как обнаружил, что ключей нет.

– Баб, где ключи? – крикнул он. – Баб!

Никто не ответил, даже бабушкиных шагов не было слышно. Рома прямо в обуви пошел к бабушке в комнату.

– Баб, дай ключи!

– Чтобы тебя снова домой под утро принесли? Вот спасибо. Мало мне было твоего деда, за которым я по всему городу бегала и по квартирам и дворам вылавливала, так внук туда же. Хоть с дочкой повезло, был бы сын – и тот бы пил.

– Баб, ну хватит, я слышал это уже тысячу раз. Где ключи? – но тут в дверь позвонили.

– И кого там к нам принесло? – удивилась бабушка, встала со своего места и пошла открывать. Ключи были у нее в кармане халата, она отперла дверь и распахнула ее.

– Вы к кому?

– Тамара Викторовна, здравствуйте, а Рома дома? Можно его увидеть?

– Проходи, в гости можно, на улицу не пушу, – сказала бабушка, и в квартиру вошел Коля.

– Здорово, как ты? – с волнением спросил тот.

– Как-как? Нормально, как видишь. Проходи, пошли в комнату.

– Вот, Рома, – начала бабушка, – настоящие друзья переживают, проведать заходят, а те на руки сдали, и все.

– Какие «те»? Все, баб, я у себя, – и Рома пригласил Колю в комнату.

– Ну, рассказывай, как ты? Живой? – все так же волнительно спросил Коля. Он сел на стул, предварительно перевернув его спинкой вперед.

– Да что с тобой? Я только проснулся.

– Сказать ничего не хочешь?

– А, – кажется, начал понимать Рома. – Спасибо, парни, что домой привели. Что вчера было-то?

– Чего? – удивился Коля. – Чего, не помнишь ничего, что ли?

– Нет, помню, пили с вами, в снежки играли...

– Ага. Было такое.

– В магазин, видимо, не один раз бегали. Денег почти не осталось.

– Да мы больше и не ходили, не успели еще то допить, а потом и вообще ничего не успели.

Как домой-то добрался?

– Так вы же меня привели?

– Что?

– Разве нет? Бабушка сказала, «друзья твои тебя домой привели».

– Ооо, – простонал Коля.

– Что?

– Да ничего. Я думал, тебя сожрали где-нибудь на кладбище. Чего ты с ними поперся-то?

– Да с кем?

– С кем, с кем? С готами! – сказав это, Коля замолчал, а Рома распахнул глаза.

– С какими готами? – не мог поверить тот.

– С теми, которых мы вчера снежками закидывали.

– Не помню. Хоть убей, не помню! Помню, как с тобой и Борькой играли.

– Короче, мы сидели на лавочке, а мимо готы шли. Не помню, кто из нас, короче, начали в них снежками кидать.

– А они что?

– А они сначала мимо хотели пройти, не разбегались ничего, а потом бабе какой-то в голову зарядили, у той, то ли рассечение, то ли сотрясение. Ну они и подошли.

– Тааак, – протянул Рома, и в памяти какой-то вспышкой всплыла картинка парней и девчонок в черных плащах.

– Ну так вот, а дальше ты нас старался успокоить, в итоге мы с тобой чуть было не подрались, ты наехал на нас с Борей и ушел с готами.

– А куда ушел? – спросил Рома.

– Вы в больницу собирались, я уж не знаю, куда вы там пошли, может, в ветклинику.

– Почему это в ветклинику?

– Ну а где еще животных лечат? – после этой фразы, Рома вспомнил, как Коля стоял на площади и говорил готам, что им не в больницу надо, а ветклинику, так как животных там принимают. И что-то подсказывало, что именно из-за этой фразы Рома и полез на Колю с кулаками.

– Заткнись, Коль, – сказал Рома, что тот резко замолчал.

– Ты чего, новых друзей себе нашел, что ли? С этими выродками теперь дружить собираешься?

– Коля, ты себя слышишь? Мы вчера девчонке голову ледышкой рассекли. Можно просто по-человечески было извиниться.

– Ну, я вчера не в том состоянии был, чтобы извиняться перед кем бы то ни было. Вчера вообще не мой день был. Но мне кажется, ты там за всех нас извинился.

– Стой, а что ты говоришь, мы вчера больше не ходили в магазин?

– Нет, мы еще то не допили, а потом эти приперлись.

– А куда же тогда я потратил деньги? – задумчиво произнес Рома и пошел к столу, куда были свалены вся мелочь и чеки. Чеки были вовсе не чеками из магазина, как сперва подумал Рома, а квитанциями на оплату препаратов в травмпункте. Рома даже вздохнул с облегчением, что он не оставил все так, как есть, и помог несчастной девушке.

– Хорошо, что они в ментовку не заявили, – усмехнулся Коля. – Прикинь, вместо меня к тебе сейчас пришел бы участковый и отправил тебя на пятнадцать суток или того больше.

– Не смешно, – отрезал Рома. – Значит, и домой не вы с Борей меня привели?

– Нет, – опустил голову Коля.

– А вы что делали? – спросил Рома, чувствуя несправедливость всей ситуации.

– Мы тебя ждали, думали, вернешься, а тебя все не было. Потом по домам пошли. Ты это, без обид, я тогда вообще ничего не соображал. Это, я, как только проснулся, сразу понял, что фигня какая-то произошла, и сразу к тебе поспешил.

– А если бы меня дома не было?

– Ну тогда все, в полицию бы пошел или сам искать начал. Да вряд ли я бы пошел к ментам, сначала бы искал сам.

Они замолчали. Рома молчал, потому что был очень обижен на Колю. Коля молчал, потому что начал понимать, что, видимо, он действительно сделал что-то не то и что нужно было как-то по другому ввести Рому в курс дела. Может быть, даже где-то приврать в свою пользу. Сказать, что они, готы, его похитили и что они с Борей всю ночь бегали по городу и искали его.

– Ладно, я пойду, – спросил Коля.

– Угу, – ответил Рома. – Спасибо, что зашел.

– Я смотрю, у тебя ноут появился.

– Угу. Давай, пока.

Коля ушел понурый, но Роме было плевать на него, пусть обижается.

– Бабуль, а кто меня домой привел, не Коля разве? – аккуратно постучавшись в комнату и виновато встав в дверях, спросил Рома.

– Э тот, что приходил? Нет, не он.

– А кто?

– А кто ж их знает, кто они такие? То ли колдуны какие-то, то ли сатанисты.

– Готы?

– Да почему я разбираюсь в них?

– А сказали что?

- Ну, они, между прочим, были вежливыми, сказали, что ты немного устал. Мать сразу руки твои проверять стала, не обкололи ли тебя чем?
- О! Ну это уже паранойя какая-то.
- Заведи своих детей, внуков, потом поговорим.
- А потом?
- Потом я их на чай пригласила, но они отказались и ушли.
- А мама?
- Мама в шоке, – сказала бабушка, и можно было решить, что на этом разговор окончен.

Рома пошел к себе в комнату, взял ноутбук и, сев на кровать, открыл поисковик. То, что среди готов есть парни, он уже знал, а вот как они выглядят – ему было неизвестно. Ему хотелось узнать о судьбе той девушки. Отчего-то ему стало просто важно знать, что с ней все хорошо, извиниться за своих друзей и пожелать им мира – или смерти (Рома не знал, чего им пожелать, чтобы им было приятно). Так и получилось, что Рома сидел на кровати и рассматривал фотографии готов, восхищался их нарядами, прическами, каким-то потусторонним очарованием. Худые, бледные, многие из представителей субкультуры были очень высокими то ли от природы, то ли за счет обуви на платформе, которую молодые люди и девушки так любили. Их платья и плащи были эклектикой из старинных образов и образов людей будущего. Конечно, Рома не входил с ними ни в какое сравнение: он носил спортивные штаны, джинсы и балахоны, «найки» и куртки анорак; он пил пиво с пацанами, гонял в футбол и вряд ли в его окружении кому-то были бы интересны разговоры о сравнении раннего и позднего творчества Бодлера¹. Или если бы вместо распивания пива на скамейке он пригласил бы парней заняться спиритическим сеансом при свечах. Рома даже усмехнулся такому повороту событий, но ему были бы интересны и спиритические сеансы, и Бодлер, и даже симфонический рок, который, как оказалось, очень ценился в кругах готов. На одном из сайтов, посвященном готической культуре, Рома нашел группу Luna Aeterna и послушал несколько песен этой группы. Он слушал музыку, текст, но был всего лишь слушателем, а не частью этого мира, он не понимал множество фраз, посыла к смерти, разговора со смертью – словно упускал теорию, сразу же преступая к практике; он не знал истории движения, их идей и каких взглядов были привержены молодые люди. То, что готы симпатизировали ему внешне, не говорило, что, докопавшись до истины – они будут ему так же симпатичны. Девушка-вокалистка тем временем пела песню «Храм любви»:

Древние жрецы – хранители судеб земных
Ведут нас по жизненному пути.
В место слияния душ, в Храм любви.²

И Рома ловил каждое слово, пытался разгадать этот шифр, проникнуться и глубже узнать их секрет. Он даже закрыл глаза и старался представить себе этот жертвенный алтарь, тот самый храм, с потрескавшимися от времени стенами, витражами с картинами из библейских историй и в качестве прихожан – готов.

«Кажется, для начала неплохо», – подумал парень. Рома уже не чувствовал себя таким темным, каким был еще совсем недавно; теперь он словно приоткрыл для себя завесу чего-то удивительного и притягательного. Тематикой фильмов и песен также становилась нечистая сила, вроде вампиров, оборотней, мертвецов и прочих. Рома взял на заметку несколько филь-

¹ Шарль Пьер Бодлёр французский поэт, критик, эссеист и переводчик; основоположник эстетики декаданса и символизма

² Строки из песни российской симфоник-метал-группы Luna Aeterna

мов и, найдя их в сети, решил посмотреть, но где-то на середине фильма Рому потянуло в сон, и он уснул, так и не досмотрев его.

На следующий день, Рома отправился на учебу. Там он не встретил Колю, а Боря за целый день даже не удостоил товарища кивком головы. «Как странно», – думал Рома, но не стал особенно забивать себе этим голову. Отсидев несколько пар и забив на последние, которыми была физкультура, он пошел домой.

По дороге домой Рома вновь вспомнил ту девушку, которую они встретили у подъезда, и задумался о готах. Внешний вид их значительно отличался от того, как выглядели все в этом городе, где новый спортивный костюм или новые джинсы были предметом роскоши, что ли. Проходя мимо одного магазина одежды, который так и назывался «Одежда на все сезоны», Рома зашел. Это был чуть ли не единственный магазин в городе: здесь одевались все, а если и не здесь, то был и другой магазин, «Одежда. Ленинский», что было по сути тем же самым, разве что в Ленинском районе. Рома хотел посмотреть, есть ли какие-нибудь вещи черного цвета, а так как после его «гуляний» остались хоть какие-то деньги, то, может, и приобрести пару-другую вещей, которые напоминали бы вещи готов. В магазине было тихо, здесь много лет продавалось одно и то же, да и покупалось только разве что по необходимости. Он прошел мимо ряда вывешенных спортивных костюмов, которые были неинтересны, женских платьев, халатов, ряда тапочек и зимних ботинок, что соседствовали на одной полке. В углу висели шорты и майки, оставшиеся с летнего сезона.

– Привет, что не на учебе? – спросила продавщица. Город и правда был небольшой, и продавщица в магазине была какой-то маминой подружкой: то ли школьной, то ли из училища, а может, и просто нашей соседкой.

– Здравствуйте. Да я так, смотрю, выбираю, – сказал Рома и понял, что из всего магазина ему и выбрать нечего.

– Давай подскажу, спрашивай, – уговаривала его продавщица.

– Хорошо, что-нибудь черное у Вас есть? Футболки или джинсы? Может быть, пальто?

– Хм, ничего себе, разошелся. И все черное? – удивилась продавщица.

– Да, обязательно черного цвета.

– Как эти хочешь быть? На этих похожим... – она покрутила рукой в воздухе пытаясь вспомнить. – На «сатанистов»? Прости Господи! – и перекрестилась.

– Нет, с чего бы это? – Роман сделал удивленный вид и слегка покраснел.

– Ну, это они любят все черное. А я тут иду на работу, а мне она такая, на встречу, ну я испугалась, конечно, потом перекрестилась после того, как встретилась с ней. Мало ли что.

– А что может случиться? Порчу наведет? – Романа это даже начинало забавлять: у всех была столь странная реакция на готов, что просто становилось смешно.

– А мне вот тут сосед, Бобылев, рассказывал, что его баба Вера видела одну такую в городе, да не перекрестилась, а после мужу рассказала. Не прошло и трех дней, как померла.

– Так бабе Вере уже лет было чуть за девяносто! Вряд ли тут в готах дело, – сказал Роман.

– Точно, кажется, они себя готами называют. Да? А я даже как-то и не подумала, что ей за девяносто. Ну, тогда и впрямь не считается. Все равно, не люблю я их. Говорят, они на кладбищах часто появляются, уж что они там делают, я и знать не хочу. Да и сказать тебе, одеты они очень странно: например, ту, что я видела – явно не местная девушка. Таких вещей ни в нашем, ни в «Ленинском» магазине нет, приезжая. Я ни пальто таких не получала, ни брюк, а она ходит тут. Да и сапоги все в металлических пряжках, жуть.

– Спасибо, ну, я пойду – поблагодарил за разговор продавщицу парень и поспешил покинуть магазин.

Самое главное он узнал, а именно: первое, что готической одежды у них в магазинах нет, и второе, что та девушка была явно приезжей. Стало быть, если готов в городе несколько или

целая компания, то все они приезжие. Хотелось бы узнать причину, вызванную их появлением. Что готы могли забыть в их глуши?

Выйдя из магазина, Рома вздохнул. С одной стороны, ему хотелось знать, почему Коли сегодня не было на учебе, но с другой стороны, мысль о том, что он спровоцировал неформалов и не предпринял никаких попыток извиниться – была сильнее. Парень достал телефон и набрал Колин номер. Телефон не отвечал. «Жаль, ведь он даже пришел меня проводить, узнать, как я и что со мной. В момент, когда все это произошло, он, конечно, хотел показаться плохим парнем. Но потом, на утро, он забеспокоился обо мне. Тот Коля, настоящий, которого я знаю», – думал Рома и шел куда глаза глядят. За этими размышлениями Рома и не заметил, как оказался в Ленинском районе и что до Колиного дома рукой подать. Тогда он решил перебороть обиду и навестить своего друга. Дом был девятиэтажным, считался домом повышенной комфортности, более новой планировки и лет на тридцать был новее той хрущевки, в которой жил Рома. Конечно, и этот дом был далек от тех небоскребов, о которых рассказывал Женька, но все-таки, это было чуть ли не единственное высокое здание в городе, и жители этого дома считались состоятельными. Рома часто заходил в гости по этому адресу, в основном по вопросам учебы, ради информации из интернета. Так просто, зайти в гости, Коля никогда не предлагал. И вот сейчас Рома стоял в нескольких метрах от него и не знал, будет ли это удобным, зайти вот так, без приглашения. Успокоив себя тем, что перед приходом в гости он предварительно позвонил, Рома решился позвонить в квартиру и набрал номер Колиной квартиры на домофоне. После нескольких продолжительных сигналов вызова, ответа не последовало. «Если он не дома, то где же ему еще быть?» – удивился Рома и набрал номер квартиры еще раз. «Стало быть, на учебе его не было, дома его тоже нет. Может, уехал?» – последняя мысль показалась ему более вероятной, так как родители Коли были в разводе, и часто они с матерью ездили к отцу в Москву. Отсюда и дорогие телефоны, компьютеры, одежда и прочее, все то, что в таком маленьком городе, как этот, было просто не достать. Еще в первый визит к Коле он обратил внимание на огромный телевизор в гостиной. «Кудряво живете», – иронизировал тогда Боря, а Рома промолчал, так как обсуждать, кто и как живет, было некультурно. По крайней мере, так его учили. А учили, должно быть, из-за того, что сами жили так, словно остались жить во времена перестройки или на худой конец в девяностые, что, обсуждая кого-то, нужно было сначала жить на порядок выше и лучше других. Этого не было. Много чего не было, и приходилось делать вид, что вся эта техника, одежда от известных брендов – не имеют ни какого значения для Ромы. Лишь сегодня, зайдя в магазин, он увидел колоссальную разницу в одежде подростков неформалов и тем, что продавалось у них в магазинах.

Из подъезда, возле которого стоял Рома, выходила невысокого роста женщина, в руке она держала связку поводков, к которым были прикреплены около пяти собак маленьких пород. Те весело высыпали на улицу и, заливаясь игривым лаем, тащили свою хозяйку на прогулку. В последнее мгновение Рома успел удержать дверь от ее закрытия и распахнул ее вновь, как за его спиной раздался голос той самой женщины:

– Вы к кому?

– К товарищу, он заболел, на учебе не был. Вот несу ему задания, – соврал Рома, показывая на сумку.

– Какая квартира? – недоверчиво спросила та, отдергивая собак, которые так и стремились сорваться с поводка и убежать куда глаза глядят.

– Тридцать четвертая, на третьем, – сказал Рома.

– К Тимофеевым, что ли?

– Да, к Коле, – Роме показалось, что она сейчас скажет, что они уехали, но та лишь кивнула и пошла дальше.

– Только это, – обернулась снова. – Без всяких там. А то вон, из Верхнего придут, все стены испишут, окурков накидают...

– Нет, нет, Вы что? – вскинул брови Рома и приложил руку к груди, как обычно делала его бабушка, отчего самому стало смешно.

– Знаю я таких, – фыркнула женщина и пошла дальше. На этот раз Рома специально проводил ее взглядом. Она еще пару раз обернулась, но затем махнула на парня рукой и пошла выгуливать собак.

Дойдя до квартиры, Рома позвонил и прислушался, нет ли за дверью шагов – но было тихо. Тогда он позвонил еще и еще, а когда уже собрался было уходить, то дверь открылась. На пороге стоял Коля, смурной и какой-то уставший: то ли только проснулся, то ли не ложился вовсе.

– Тебе чего? – спросил Коля как-то грубо, как в первый день их знакомства, летом, на практике, после поступления. Рома даже растерялся на мгновение, но затем вспомнил цель своего прихода.

– Слышь, полегче! Тебя сегодня в шараге не было, хотел узнать, может, заболел или еще что.

– Как видишь, здоров. Все? – отрезал тот и посмотрел на приятеля с вызовом.

– Да брось, Коль, я же по-дружески к тебе...

– Чего ты вдруг обо мне беспокоился? Других друзей, что ли нет? Вот и иди с ними, а меня оставь.

– Ты чего, Коль?

– Ничего, иди, куда шел, – сказал Коля и закрыл дверь.

– Да пошел ты! – крикнул вслед приятелю Рома и стукнул по стене.

«К нему по-человечески, а он...» – думал Коля, выходя из подъезда, как вдруг в конце дома заметил силуэт в черном. «Гот», – пронеслось у него в голове, и ему стало интересно, куда же он направляется. Решив держать дистанцию, он, не спеша, шел за фигурой, которая двигалась слегка хаотично и порой в самый последний момент меняла свой маршрут. Преодолев гаражи, стройку и старые, заброшенные деревенские дома, Рома вышел на совсем незнакомую улицу, недалеко от железной дороги. Здесь, как казалось Роме, ничего никогда не было. Дальше «заброшек» они никогда с пацанами из класса не ходили, а тут на тебе, незнакомая местность, дома, люди, машины. Рома прошел мимо стойки-афиши, на которой была изображена музыкальная группа, явные представители dark-сцены – Witchcraft.

Дата концерта была сегодняшняя, а проходило все это мероприятие в клубе «Ночь» по адресу: улица Лопарева, дом 28. Рома сразу же посмотрел на дом, что был по правую сторону: улица Лопарева, дом 24.

Гот, шедший впереди, внезапно исчез из виду, стоило Роме отвлечься на афишу и вывеску на доме, но это было уже и не важно. Другой вопрос, что Готы потянулись в город гораздо раньше, чем был сегодняшний концерт. Вот уже пару дней то здесь, то там он встречал их, и не только он. Их видела и продавщица, и парни, из-за чего даже произошла досадная неприятность, что повлекло за собой разногласия в их приятельских отношениях. Пройдя немного вперед, Рома увидел и тот самый клуб в доме 28. Черная дверь, ничем не примечательная, разве что несколько представителей готов стояли возле нее и негромко общались. Все были одеты, как тому полагает готическая мода: бледные, с черными волосами, у девушек нередко были яркие пряди, сами волосы длинные, прямые. Колечки и гвоздики пирсинга на лицах, у кого-то на кистях рук были татуировки, другие прятали руки в черных перчатках. Ну и, конечно же, плащи и тяжелые ботинки марки New Rock, или «Нью роки», как их называли между собой их обладатели. О них Рома читал на форуме, многие покупали обувь, что называется, «с рук», так как цена за одну пару была удовольствием не из дешевых. На том же самом форуме были разделы, посвященные и одежде: как ее приобретению, так и продаже –

но Роме и в голову не могло прийти, что вся эта атрибутика «до смерти романтических особ» столь редкая и ее не купить просто так. Рома сам усмехнулся своей наивности и теперь видел разницу между дизайном в одежде готов и просто черными вещами, которые можно было купить в их городе.

«Было бы действительно смешно прийти на такое мероприятие в шмотках из нашего магазина», – думал парень, смотря на готов, компания которых становилась все больше и больше. Они стекались со всех сторон, и каждый был по-настоящему индивидуален, не было ни одной похожей девушки или парня, каждый из них относился к своему образу с особенным трепетом, что чувствовалось, стоило лишь взглянуть на них. «Коля бы сказал „Клоуны“», – подумал Рома, как вдруг заметил, что на него обернулись несколько ребят и девушек. Рома к тому времени уже перешел на ту сторону дороги и встал возле дерева, предварительно достав телефон и делая вид, что занят чем-то очень важным и что до кучки неформалов ему нет никакого дела. На самом же деле он во все глаза рассматривал их, следил за их манерой общения, за их жестами, выражениями лиц. На сумках и торбах у многих были названия готических и металл-групп: Lacrimosa, Black Sabbath, Alice Cooper, большинство же было с надписью Nightwish или с изображением крестов.

Поймав на себе взгляды, Рома решил, что пора заканчивать представление и идти домой, как вдруг услышал, что его кто-то зовет.

– Рома, – снова раздался возглас, теперь его звали несколько людей. Он обвел толпу взглядом и увидел несколько парней и девушек, которые махали ему. На всякий случай парень обернулся: может быть, они ошиблись и зовут вовсе не его, но никого поблизости с ним не было. Тогда он повернулся снова. К нему направлялась одна из девушек. Она, не смотря на дорогу, нарушая все правила дорожного движения, шла к нему. Полы ее длинного платья были в снегу, а ее распахнутое пальто развевалось от ветра. На вид ей было лет 25, худая, высокая, с белой пряжей волос, что так контрастировала на фоне черных. У нее были тонкие брови, миндалевидные глаза, аккуратный нос и белая-белая кожа. С ее приближением в воздухе стало пахнуть духами с нотами табака и чего-то старинного, словно из бабушкиного сундука, душного, но в тоже время вкусного.

– Что ты здесь делаешь? Как ты? – с ходу спросила она, и любая другая девушка приветливо бы улыбнулась, но только не она.

– Нормально, – между делом ответил он, внимательно рассматривая девушку.

– Это не ответ, ты же знаешь? – Роме казалось, что он на сеансе гипноза, но ему даже нравилось это сладостное ощущение, в которое он погружался. Все кругом перестало существовать, парень держался на ногах, словно из последних сил, и даже усмехнулся такой слабости.

– Ты в порядке? – спросила она и сделала шаг назад, давая Роме больше воздуха.

– Да, со мной и вправду все в порядке. Голова закружилась немного, – сказал он.

– Должно быть, давление? Не находишь? Бьет прямо в виски? – девушка вскинула одну бровь и поджала губы, в ожидании ответа, но Рома не торопился доставлять ей такое удовольствие.

– Давай сначала, – Рома, внимательно посмотрел на нее. – Как твое имя?

– То есть совсем ничего не помнишь? И как домой тебя принесли тоже не помнишь?

– Нет, к сожалению. Даже не знаю, кто мои спасители.

– Скажешь тоже... Мы ведь не монстры?! Хотя многие и считают именно так.

– Я так не считаю, – отрапортовал Рома.

– Я это чувствую, – все с той же серьезностью сказала девушка.

– Итак, меня зовут Рома, – и он протянул ей руку.

– Рейм, – сказала девушка.

– Тебя зовут Рейм? – спросил Рома.

- Нет, не меня, а тебя. Твое имя Рейм, если не помнишь, потом поймешь. Меня зовут Эмбер, только с ударением аккуратнее, – сказала девушка.
- Эмбер, – с ударением на первый слог, как того и просила девушка, повторил Рома.
- Так значит, ты тоже пришел на концерт?
- Нет, я случайно здесь. Просто шел мимо.
- Случайно? Ты еще не знаешь, что ничего случайного не бывает?

Глава III. Ночная, клубная жизнь

Никогда раньше Рома не ходил по клубам. Развлечение казалось ему сомнительным и ничего хорошего не предвещающим. То ли это было влияние мамы и бабушки, их комментарии в разговорах о том, что все эти клубы рассадник зла и порока, то ли сам того не подозревая решил, что такие места не для него. Да и клубов в их городе было всего два: «Шоссе» в Верхнем и «Ветер: бар-бильярд» в Ленинском. Как теперь оказалось, был еще один, пока не известный район, со своим клубом «Ночь». Первые два – были низкопробные заведения, со своими завсегдатаями, смрадным запахом кислого пива и недоброй репутацией. Там собирались дальнобойщики или просто мужики, что были проездом, местные там появлялись крайне редко и в основном пили на лавочках или у себя дома. Поэтому, когда Эмбер предложила пойти в клуб вместе с ними, Рома не сразу согласился.

– Пойдем, познакомлю тебя со всеми, – сказала девушка и, взяв его за руку, повела через дорогу к клубу, где стояли ее знакомые.

– Так это он и есть? – спросил один из парней, с белыми линзами.

– Да, он самый, – ответила рядом стоящая девушка, а затем обратилась к Роме. – Рейм, как ты?

– Мы знакомы?

– Да, я Ленор. Это мне ты помог в тот раз, я очень тебя благодарна, Рейм, – сказала девушка и поцеловала его в щеку.

– Не за что, это полностью наша вина.

– Но не твоя, – сказал парень, что стоял рядом, – Позволь представиться, в тот раз мы так и не успели познакомиться толком, меня зовут Торн, – и парень, сняв перчатку, протянул руку Роме.

– Рейм, – смирившись с новым именем, сказал тот.

– А имя, данное тебе, все-таки помнишь? – удивился Торн.

– Это я ему напоявила, – сказала Эмбер.

– А-а, ну тогда понятно. Кстати, а где Миттэр?

– Сейчас подойдет, – сказала Ленор и, встав на цыпочки, посмотрела куда-то поверх голов.

– Увидела? – спросила ее Эмбер, но та, посмотрела на нее недоброжелательно. – Не переживай, если сказал, что придет, значит придет. Я удивлена, конечно, что вы не вместе.

– Эмбер, – вздохнула Ленор. – Мы немного повздорили перед выходом, ну я и вышла без него.

– Что-то серьезное? – спросила ее подруга.

Но та перевела взгляд на меня, потом на Эмбер и отвела подругу в сторону, со словами извинения.

Они остались вдвоем с Торном. Его имя, как и имена всех остальных, были очень странными, и Рому это интересовало, поэтому для поддержания беседы он решил задать этот вопрос.

– Видишь ли, мы немного своеобразная субкультура. У нас приняты метафорические имена, имена из книг и кино, которые имеют отношение к готике, имена, созвучные с твоим родным именем, как, например, в твоем случае.

– А что означают они у вас?

– Ну, например, Ленор – ее так называли за небольшой рост и миловидную внешность, как в том мультфильме «Ленор – маленькая мертвая девочка», Эмбер – значит «угасающие угли», любит ароматические палочки, много курит, была в Индии и ходила по раскаленным углям.

– Очень интересно, – сказал Рома.

– Красиво?

– Да, красиво и необычно.

– Имя Миттэр, сокращенное от Миттэрнахт. Что с немецкого означает «Полночь» – занимался оккультизмом, в основном проводил ритуалы именно в полночь.

– А ты, Торн?

– Торн – значит терновник, шипы и розы. Представляет обратную, философскую сторону красоты.

– А почему именно Торн?

– Я выращиваю кустовые розы и кактусы, а в террариуме у меня живет скорпион, тоже с жалом.

– А настоящие имена?

– Их мы не называем.

– Понимаю, – сказал Рома, покачив головой.

– И что, все-все готы так...

– Нет, все разные, есть и Миши, и Пети, и Ксюши. У нас в Москве была одна Ксения, правда, потом все-таки стала Ксенобийей.

– Для меня пока это слишком, но думаю, привыкну.

– Я тоже так думаю, что привыкнешь.

Как раз к концу этого самого разговора пришли девушки. Только они подошли, как Ленор сразу же побрела куда-то вперед.

– Миттэр! – сообщила Эмбер. – Это ее молодой человек.

Вскоре Ленор вернулась с юношей, в черном старинном фраке и рубашкой с жабо. Его белые волосы были завязаны в хвост. На пальце правой руки, у него был перстень с черным камнем, а в левой руке он держал трость. Он был молод, но довольно высок, на вид ему было лет двадцать. Как и полагается, с бледным, белым лицом и слегка подведенными глазами.

– Приветствую вас, – сказал Миттэр.

– Рад видеть, – пожал ему руку Торн и представил Рому.

– Я тебя помню, и друзей твоих тоже, – сказал Миттэр, и было видно, что он так и не простил их за то, что причинили увечья его любимой.

– Миттэр, все хорошо, Рейм не при чем, именно он помог оплатить лечение, так что мы должны быть ему благодарны, – сказала Ленор.

– Герой, значит? А известно ли вам, что всякое проявление героизма – это всегда следствие чьей-то халатности?

– Я понимаю, Миттэр, ты злишься, но я искренне хочу уладить все, – оправдываясь, сказал Рома, смотря на окружающих. Эмбер взяла его за руку.

– Миттэр, Рейм сегодня наш гость, прояви хоть каплю уважения!

– Чего ради? Чтобы в следующий раз его дружки и мне голову проломили? – не унимался Миттэр.

Из-за этой неловкой ситуации, Рома почувствовал себя лишним, когда ему предложили пойти с ними концерт, но, хорошенько подумав, он согласился.

Концерт Роме очень понравился, ему нравилась музыка, тексты песен, и уже под конец, когда группа исполняла песню «7 грех», они с Эмбер пели:

Раз – закрой глаза,
Два – отдай дыхание,
Три – зови меня,
Четыре – я рядом.
Пять – закрой сейчас глаза,
Шесть – отдай дыханье.

Семь – зови, зови меня,
Твой смертный грех – рядом!³

Рома наблюдал за другими готами, смотрел, как они причудливо двигаются в такт музыке или просто стоят и смотрят на сцену, где находились музыканты. В целом концерт Роме очень понравился, денег за билет, что он купил в последний момент, было совсем не жалко.

Разгоряченный и воодушевленный музыкой, он вышел на улицу и дождался остальных.

– Это было великолепно! – Ленор в тяжелых сапогах вышла из здания клуба, держа Миттэра за руку. Тот приподнял руку, и Ленор несколько раз покрутилась.

– Да, неплохо отыграли, должен сказать, не зря приехали, – сказал Торн.

– Ага, скоро домой. Ну что, гулять? – спросила она.

– Гулять? – удивился Рома.

– Да, самое время побродить по кладбищу или парку. Смотрите, какая полная луна, – сказал Торн, смотря на небо.

– Рейм, неужели ты покинешь нас в такой момент? Устроим тебе обряд посвящения? – загадочно сказала Эмбер.

– Ну, Эм, думаю, он еще не готов, – возразил Торн.

– А мне кажется, нужно начать с посвящения, а потом и все остальное. Я не права? – не унималась Эмбер.

– Я тоже против, Эмбер, не сейчас, – поддержал друга Миттэр.

– Я совсем не против, если это будет в другой раз, – сказал Рома, но Эмбер покачала головой, словно тут дело было совсем в другом.

Поравнявшись с домом Коли, Рома посмотрел на его окна – света не было.

«Как все странно», – подумал Рома, но не успел он придать своей мысли более-менее вменяемую форму и развить ее как надо, как впереди они увидели скорую. На сердце у Ромы стало как-то не по себе. Такое чувство возникало всегда, когда Рома подходил к дому, а у подъезда стояла скорая. Он всегда очень переживал за бабушку, вбегал на четвертый этаж, отпирал квартиру, и, убедившись, что с бабушкой все в порядке, мог даже некорректно отнестись к ее вопросам, таким, как, например: «Как в училище?», конечно, он с дерзостью отвечал, что он учится в колледже, и даже не задумывался, как еще минуту назад бежал домой, боясь ее потерять.

Так же и сейчас, увидев скорую рядом с домом друга, Рома почувствовал какой-то трепет, по спине пробежали мурашки. Должно быть, почувствовав это, Эмбер взяла его за руку:

– Ты навсегда со мной, мой мертвый ангел, – пропела она сточку из репертуара Witchcraft.

Рома не понимал, что происходит, в какой-то момент Эмбер зажгла ароматическую палочку с запахом сандала, и ее дым словно окутал их, и, казалось, все пахнет этим тревожным и волнительным ароматом. Рома не увидел, кого занесли на носилках в машину скорой, которая уже никуда, по всей видимости, не спешила.

– Всегда интересно, что делает душа в этот момент, – спросила неожиданно Ленор.

– В момент, когда тело увозят? – поинтересовался Торн.

– Да. Представляете, душа еще ничего понять не успела, а тело уже увозят... Стоит, должно быть, смотрит вслед уезжающей скорой, – с воодушевлением продолжила Ленор.

– «Прости меня, я не останусь, прости меня, время пришло...» – пропел Миттэр, обхватив Ленор за плечи. Он был довольно высоким парнем, поэтому взять Ленор за талию, было для него проблематично, но смотрелись они хорошо.

– Да, кого-то ждет лучший мир, – сказал Торн, провожая взглядом уезжающую скорую без проблесковых маячков и звука сирены.

³ Песня группы Witchcraft «7 грех»

– Все там будем, – сказал Рома, но видимо, это было очень некстати и неуместным, поэтому все промолчали.

Лавочки были припорошены снегом. Он хлопьями падал на опустевшую площадь. Следом за ними с концерта пришли еще несколько компаний готов и рассредоточились по всей площади, чтобы никому не мешать.

– На кладбище не пойдем? – спросила Ленор.

– У нас еще завтра будет ночь, – вкрадчиво ответил ей Миттэр, и Рома заметил, что начинает любить их. Любить их голоса, их мировоззрение, их самих. Ему были приятны эти люди: Ленор с Миттэром и Эмбер с Торном. За какие-то несколько часов он словно сроднился с ними. Конечно, они уже не первую ночь проводят вместе, но первую ночь он не помнил, поэтому решил, что она не считается.

– Ты что загрустил? – спросила у него Эмбер.

– Подумал, что будет грустно, когда вы уедете. Хорошие вы ребята, – признался Рома.

– Рейм, – Ленор сложила руки на груди и покружилась в пол-оборота, выражая свое умиление. – Ты тоже очень хороший. Но что значит, будет грустно? Мы же пока еще не умрем, а встретиться можно будет, когда ты к нам в гости приедешь.

– А вы все из Москвы? – спросил Рома.

– Мы с Ленор из Петербурга, – сказал Миттэр, ставя свою девушку на скамейку, словно куклу.

– Чувствуется! – сказал Рома, сам не зная зачем. Наверное, про петербуржцев так принято говорить об их манерах и умении себя вести. Просто Миттэр был уж слишком не сдержан, и вряд ли Роме пришла бы мысль, что он может быть из Санкт-Петербурга.

– А мы с Эмбер из Москвы, – сказал Торн.

– У меня брат в Москву переехал, с собой меня зовет, да только что я там буду делать? Ума не приложу! Тут все понятно, учеба, друзья... – но поймал на себе недружелюбный взгляд Миттэра.

– Вы футбольные фанаты? – задал тот, видимо, давно мучивший его вопрос.

– Нет, хотя Коля... Не важно. Да, мы любим футбол, играем за местную команду в колледже. По выходным и в среду тренировки.

– Один черт, – сказал Миттэр. Рома ничего не ответил. Ребята жили недалеко в гостинице, и, замерзнув, Торн и Эмбер предложили пойти к ним в номер. Рома отказался, но поблагодарил их за концерт и еще раз сказал, как сильно он рад знакомству.

Домой он шел своим привычным маршрутом, на часах было два ночи. Было совсем не холодно, разве что рукам, поэтому Рома зачихнул руки в карманы и ускорился. Он все думал, как хорошо, что он встретил таких людей и что теперь у него более веский повод для переезда в Москву. Единственное, что он не мог понять – это отношение Миттэра, который настроен очень недружелюбно. Для его девушки Рома, вроде, даже герой, а для Миттэра – чуть менее отрицателен, чем, должно быть, Коля.

«Черт его дернул эту ледышку кинуть. Нужно будет попросить его извиниться», – но не успел Рома до конца додумать мысль, как тут же ее перебили другие мысли, а именно, что они поругались с Колей, и настроение немного испортилось, и до самого дома не стало таким же, как прежде.

Войдя в квартиру, он увидел свет, горящий на кухне. Рома сразу понял, что это не спит мама.

– Привет, ты чего не спишь? – спросил он у Натальи Семеновны. Та сидела за кухонным столом и смотрела телевизор за чашкой кофе.

– Привет, – шепотом сказала мать. Она явно готовилась ко сну, а может, даже пыталась уснуть, так как была без косметики и в домашнем халате. – Тут фильм такой хороший идет, дай, думаю, часок посмотрю, да засиделась. А ты что так поздно? Спасибо, что трезвый.

– Да, мама, ты прости, мы тогда с ребятами...

– А я как знала. Сказала же тебе: много не пей. Ты же спортсмен! Я не понимаю, – покачала мать головой. Роме в свои семнадцать было очень стыдно за весь этот разговор, и поэтому он присел к ней за стол.

– Ну все же хорошо, мам, брось переживать. Сам знаю, что безответственно поступил.

– Ишь ты, – с юмором сказала Наталья Семеновна и, посмотрев на сына, сменила гнев на милость. – Меня твои вурдалаки напугали в тот раз, ужас! Хорошо не закричала. Представляешь, открываю дверь, а ты – то ли живой, то ли мертвый, и эти в черном тебя держат.

Рома представил себе эту картину и усмехнулся.

– «Что с ним?» – спрашиваю у них, так тут бабушка выползла, поэтому толком не объяснили, сказали, мол, устал.

– Не страшно было, на чай их звать?

– Да нет, когда увидела, что живой, наоборот, обрадовалась, хотела поблагодарить, – сказала мать. – Бабушка тебя класть пошла, ты, вроде как, даже сам пошел, а я с ними, ну, этими, вурдалаками, покурить вышла. Интересные ребята. Говорят, что ты чуть ли не герой, помог им, – интересовалась Наталья Семеновна.

– Да, там история произошла неприятная, нужно было что-то делать, – сказал Рома, стараясь уйти от подробностей. – Ладно, я спать. Долго не сиди.

– Это не я ли тебя завтра будить в колледж буду? Нашелся мне тут! – и они с Ромой посмеялись.

Глава IV. Душа и снежинки

Рома плохо спал той ночью, ему то и дело снился Коля: как они ругаются в подъезде, и что все это слышат его соседи, и что наговорили они друг другу целую кучу гадостей. Рома то и дело просыпался и думал, что утром он пойдет к Коле и обязательно поговорит с ним обо всем. Затем засыпал вновь, и сон повторялся. Монотонная ругань так надоела Роме, что когда он в очередной раз погрузился в сновидения, то не увидел того раздражительного Колю, а наоборот, друг его был спокоен и молчалив. Это Рома кричал, по привычке, и чтобы все как раньше было, а тот молчит и смотрит на него, улыбается так по-дружески:

– Ром, ты это, зла не держи на меня? Хорошо? Сам виноват, ну так получилось, ну ничего не смог поделать.

– Да ладно, всякое бывает, – осторожно ответил ему Рома, а тот руку на плечо ему кладет. – Да, бывает. А тебе готом быть даже пойдет! – и смеется.

Тут Рома проснулся окончательно. Слова его друга до сих пор звучали у него в голове. Парень выглянул в окно, но во дворе было пустынно, только пара человек прошла мимо. Тогда он взял свой телефон и, щурясь от яркого света, посмотрел на время: семь часов, тридцать минут; вставать Роме нужно было в восемь. Полежав еще пятнадцать минут, Рома решил собраться и зайти за Колей, чтобы на учебу отправиться вместе. Голова сильно гудела даже после того, как он умылся ледяной водой – ничего не помогало. Он старался отвлечься от мыслей о своем приятеле и подумать о ребятах: Торн, Миттэр, Эмбер, Ленор. Но почему-то хотелось гнать мысли о готах от себя подальше. Рома вспомнил, как вчера разоткровенничался, как почувствовал любовь к этим людям, как говорил, что скучает. Все это вдруг показалось ему таким призрачным, таким нереальным, словно почудилось. Люди они для него были самые что ни на есть чужие, и никто не говорил ни о какой великой дружбе: так, встретились, на концерт сходили, им чемодан и удачи, а Роме – жить здесь дальше.

– А ты что проснулся в такую рань? – спросила мама, выходя из своей комнаты. – За Колей зайду, вместе на учебу пойдем, – сказал Рома.

– Он что, маленький, что ли, или барыня какая, заходить за ним? Спал бы. И так полночи шатался неизвестно где, – сказала Наталья Семеновна.

– Мам, ну что ты сразу?! – запротестовал Рома, не понимая толком, на что он злится. – Ну, если мне надо за ним зайти, значит, я возьму и зайду.

– А чего ты сразу голос начинаешь повышать?

– Я не начинаю, это ты начинаешь!

– Я начинаю?

– Ой, мам, все... Я не могу больше, вот что ты, что бабушка, как прицепитесь с какой-нибудь ерундой, пока не поругаемся – не разойдемся. Давай не будем ссориться с самого утра. Я на учебу, просто пораньше выйду, – говорил Рома, попутно запихивая тетрадь в свою сумку и надевая парку.

– Случилось что? – мать вдруг как подменили. Она даже присела на табуретку, которая странным образом вновь появилась в коридоре.

– Да нет. Не знаю. Проверить хочу, мы с ним поругались вчера днем, – сказал Рома, жалея, что не коснулся этой темы вчера: может, мать бы нашла нужные слова, как она всегда делала в таких ситуациях. Она всегда старалась его выслушать, и они часами могли сидеть на кухне и говорить обо всем на свете, но зато после таких разговоров Роме спалось всегда легко и уютно.

– А с кем же ты тогда полночи гулял? – спросила мать.

– Какая разница? – спросил Рома в ответ, не имея желания обсуждать готов.

– Девушка появилась? – деликатно спросила мать и сложила ладони на груди в замок.
– Ну Мама! – возмущенно произнес Рома. Он повязал шарф. – Тут об учебе думать надо, а ты мне о девушках?! А об учебе думать кто будет?
– Так вряд ли ты в библиотеке до двух ночи сидел!
– Вряд ли, но где и с кем я был – мое лично дело.
– Совсем большой стал, – всхлипнула мать. – Мы с бабкой все для него, а он шляется не пойми где по ночам. А мне сиди, дожидайся.
– Так никто тебя не просит дожидаться, шла бы спать. Ты же сама там фильмы смотришь! – сказал Рома и понял, что все не так. Она его ждала. – Ладно, мам, мне сейчас некогда, давай вечером обсудим, хорошо? – и Рома поскорей покинул квартиру.

Выскочив на улицу, Рома оглянулся: кругом было еще темно. Он прошел пару кварталов и начал сомневаться, что зайти за Колей – хорошая мысль. Стоять у подъезда – холодно, подниматься и звонить – можно разбудить кого-нибудь из домашних. Но тем не менее он все-таки двинулся по направлению к Колиному дому. «А тебе готом быть даже пойдет», – повторил про себя фразу, которую во сне сказал ему приятель. Рома даже подумал, что первым делом расскажет про этот сон и наедет на него с претензией, мол, что это ему вместо всяких там девушек друг его снится и всякую чушь несет?

Дойдя до дома Коли, парень осмотрелся: кругом никого не было в столь ранний час, и двор показался парню сиротливым и оставленным. Когда-то он видел фотографии из Припяти, где жизнь остановилась в один момент. В один момент и навсегда. Сквозняки гуляли по пустым улицам некогда живого и процветающего города, где во дворах домов был слышен детский смех, по улицам ездили автомобили, мамы гуляли с колясками, пока отцы семейства работали на фабриках, заводах и впоследствии печально известной ТЭЦ, молодежь пела песни под гитару – в общем и в целом, город жил своей размеренной жизнью. Хорошей или плохой? Совсем не важно в этом случае. А теперь он год за годом зарастал сорной травой, деревьями, кустарниками. Когда-то местные жители, должно быть, с трудом узнали бы свой город детства и юности, вернись они туда снова. Ветры гуляли по оставленным квартирам, подъездам, зданиям школ, детских садов, больниц вследствие того, что многие стекла были разбиты мародерами, или сталкерами – единственными «жителями» этого города. Сталкеры – были своего рода туристами, причем что съезжались они в Припять почти со всех стран некогда великой страны советов. Что ищут там эти люди? Что их так притягивает к этому месту? Должно быть, некая мистическая составляющая города, который обрастает легендами о чудовищных мутантах, собаках-людоедах и зомби. А может, и попытка увидеть зараженную радиацией, но все же не тронутую современностью частичку СССР. Для себя Рома отметил, что его привлекает в этой истории правдивость произошедшего. Это не кино со спецэффектами, не театральные декорации и не повесть писателей-фантастов, воплощенная в жизнь – это и есть жизнь, со своими ошибками, трагедиями и одиночеством. Вот и сейчас, стоя здесь во дворе Колиного дома, парень отчетливо переживал какое-то неведомое ему одиночество и скорбь по пустой и оставленной Припяти. Фонари тоже как-то печально освещали пространство возле подъездов, и снег пошел, такой же неторопливый и тихий, как и все вокруг. Рома понимал, что это проекция его сознания, что весь мир вокруг равен внутреннему состоянию его души. События последних дней внесли в его устоявшуюся жизнь какой-то надлом, и теперь он видит все несколько иначе, чем раньше.словно весь мир потускнел и стал более правдивым, чуть более жестоким, чем раньше. Рома не был конфликтным парнем, другом он был отличным, всегда был верный и преданный дружбе от начала и до конца. Уже в сознательном возрасте Рома видел только то, что видел, без каких либо прикрас. Он прекрасно видел, в каком положении оказалась его семья после того, как отец их оставил, что матери приходится из кожи вон лезть,

чтобы их прокормить, и воспитанием подчас занималась бабушка. Он был вынужден жить в этом городе и любить его, распевая гимн на дне города и других местных праздниках, ходить в детский сад, школу, и вот теперь в колледж. Разговоров о переезде у матери Ромы никогда не возникало, да и сама она не особо стремилась как-то поспособствовать, вбить в головы своих детей мысли о переезде. Когда Женя объявил, что переезжает – мать промолчала, а Рома пребывал в каком-то шоковом состоянии, так как это напрочь выбивалось из концепции его жизни и всех идеалов. Он видел, как несколько маминых подруг перебрались в более крупные города, как уезжали его одноклассники с семьями, уезжали все, но словно кто-то вбил ему в голову мысль априори, что это совсем не его история, не его жизнь и он никуда не уедет из этих мест. Тем более что отказаться от трешки, пусть и в хрущевке, его мать не готова. А тут Женя вдруг заявляет о своем переезде – и ладно бы в какой город, а то в саму Москву. Рома тогда шутил, что брата нужно вести в «Терныш», психиатрическую клинику имени Тернышовой, в Мало-знаменском районе поселка Западный, что был по соседству с ними. О «Терныше» ходят самые разные слухи – и смешные, и грустные. Но психиатрическая больница – это всегда особая тема для шуток с одноклассниками и друзьями. Переезд в Москву настолько удивил Рому, что карточный домик из его иллюзий начал рассыпаться. Когда же Женя уехал, у Ромы наступил период отрицания: то ли не хотел верить, что брату это удалось, то ли в душе надеялся, что Жене будет так трудно, что он приедет домой, и все вернется на круги своя. Затем был период смирения, когда Рома осознал, что Женя не вернется, и нужно хотя бы сделать вид, что он все тех же самых взглядов, что его родной Каменогорск, самый лучший и что ему здесь все так же нравится. Ему это удалось, даже когда брат приезжал в гости, Рома старался не узнавать о жизни там – в большой и чужой Москве. Ему было достаточно друзей, чтобы всегда были рядом, футбола во дворе, музыки в плеере и еды, что бабушка готовит, словно на случай «Третьей мировой» на завтрак, обед и ужин. Все это Рома научился любить заново – и удержать свой карточный домик от падения. Теперь же, стоя у Колиного подъезда, Рома снова почувствовал шаткость своего положения. Ему стало неинтересно и одиноко этим утром, и впервые в жизни ему захотелось уехать, убежать как можно дальше от всего: от мамы, бабушки, колледжа – и начать какую-то другую, интересную жизнь, ту, что будет ему по вкусу, ту, в которой он спокоен.

– Чем тебе здесь беспокойно? Вон, Припять какая! – сказал Роме его внутренний голос, и парню ничего не оставалось, как согласиться.

– Но! – через какое-то время возразил Рома своему голосу.

– Но? – удивился тот.

– Вот именно, я согласен: спокойно, и вроде даже жить можно... Но мне чего-то не хватает. Я чувствую это, я знаю это, как самого себя, – подумал Рома.

– Почему сейчас, почему ты сейчас об этом задумался? Что случилось? – не унимался голос, который подмывал Рому на откровения.

– Сам не знаю, но чувствую, что мне подвластно нечто другое от всего этого, – разоткровенничался парень.

– Может быть, эта субкультура тебя так задела? Ребята вчерашние, концерт? – спокойно спросил его внутренний голос.

– Может, кто знает. Может быть, в Коле разочаровался, может, старше стал за эти дни? Ведь может же быть такое: живешь, живешь, а потом бац! И в один момент полностью регенерируешь?

– Импорт замещаешь, тогда уж. Любил красный, стал любить... черный.

– Ну не совсем это, просто стадия взросления и осознания может же наступить в один день?

– Как по волшебству!

– Да!

– Нет! Любое взросление происходит по выполнении многих условий: жизненных, моральных, умственных, физических, психологических. Да полно всяких. Видишь ли, Рома, чтобы стать полноценно взрослым человеком, нужен опыт, ответственность, осознание себя в этом мире. Просто ответь мне на вопрос: кто ты и что ты? Что ты из себя представляешь? Кому ты нужен, кроме как не здесь? На что жить собрался?

– По мне так ты нудные вопросы задаешь, а не взрослые.

– Значит, не готов еще к переезду, если сам себе сумел наскучить этими вопросами. А взрослый человек всегда знает свои цели, знает, что он делает, для чего, куда стремится, чем живет, где работает, на что тратит.

– Господи! Да неужели это я? Больше на мою маму похоже, Наталью Семеновну. Вы часом с ней не общались?

– Ну, разве что в твое отсутствие, – иронизировал голос.

– Кажется, переобщались. Звучишь в точности как она. Но мне бы просто вырваться, а дальше...

– Ооо, – простонал голос. – Дальше совсем беда, если уже на вопросах засыпался.

– Да умолкни ты! – чуть ли не вслух выругался Рома.

«И где Колю носит?» – подумал Рома, чувствуя, что дверь ему не открыть, а стоять на снегу холодно. «Где эта женщина с выводком собак? Может, она дверь открыла бы?» – подумал Рома, и тут же дверь со звоном открылась, но вышел оттуда дед. Он был из тех алкашей, что первыми стоят у магазина в домашних тапках, трениках и куртке на тельняшку или голое тело.

– Слышь, это, – сказал он и покрутил головой. – Курить не найдется?

– Отец, слышь, иди домой, вон руки дрожат, – Рома, обычно жалеющий таких людей,отреагировал довольно грубо.

– Чего? – с возмущением, удивлением спросил тот.

– А что слышал, бать, давай, иди домой, нечего шататься.

– Ах ты, щенок, – с улыбкой сквозь зубы процедил тот. Позади него послышались шаги. Тучного вида женщина спускалась в халате, нервно пыхтя:

– Куда собрался? – и бац, в голову ему. Кулаком. Рома аж отшатнулся. – Домой пи*дуй, уходишь хренов. Я те уйду, я тебе так уйду! – она сняла со своего плеча полотенце и начала стегать мужика. «Бате», как раз в голову прилетело от жены, так он на улицу выкатился, даже тапки потерял – так в подъезде и стоят, а они уже всю на крыльце машутся. Мужик, правда, не бил ее, только защищался руками от ее хлестких ударов.

– Паскуда такая! Всю ночь бухал, на работу снова не выйдешь! Откуда водку взял, я спрашиваю?

– Так Люсечка, не пил я водку, вот те крест, – бормотал тот, принимая удары полотенца.

– Ах, не водка, а почему ты бухой как свинья? Я когда уходила на дежурство, ты спать ложился! Когда успел нажраться? Откуда водку взял?

– Да говорю тебе, ты глупая женщина! Не пил я водку, – а сам на ногах еле стоит. Дал ей отпор, сам отбежал на пару шагов. Это немного заставило ее утихомириться.

– А что тогда пил? Раз не водку?

– Вино, вино я пил, Люсечка! – с вызовом сказал мужик.

– Гляньте на него, люди добрые, вино он, скотина такая, пил. А еще что пил? Шампанское?

– Шампанское! – подтвердил тот. «Люсечка» вдруг перестала юморить и испуганно так руку к лицу поднесла.

– Как шам-шамп-шампанское?

– А вот так: вино пил, шампанское пил и еще лабуду твою эту, – и пальцами цокает, вспомнить пытается. – Ликер твой чуть-чуть, во! – вспомнил, наконец.

– Ты сволочь проклятая, – на всю улицу заголосила «Люсечка» на самой высокой ноте. – Идиот! – и разрыдалась.

– Говорил же, не пил я водку, чего теперь-то орешь?

– Это на Новый год заначка была! Алкаш чертов! – и снова давай его полотенцем охаживать. Затем устала и быстрым шагом пошла к подъезду, швырнула в него тапки и посмотрела на Рому.

– Что стоишь? Заходи и закрывай! Обратной пойдешь, чтоб собаку эту в подъезд не впускал, – сказала «Люсечка». Тут Рома вспомнил ее: это была их участковая, врач из районной поликлиники.

– Здравствуйте, Людмила Николаевна, – произвольно вырвалось у него, когда он узнал в ней добрую и отзывчивую мамину подругу. Рома помнил ее доброй, отзывчивой и веселой Людмилой Николаевной, которая до слез хохотала с мамой на кухне и всегда давала ему мандарины, когда тот заболел, и она выписывала ему больничный. Ему и в голову не могло прийти, что она живет с таким алкашом и так несчастна. Но раз живет, значит, должно быть, любит, все же не просто так, и не Роме было ее осуждать.

– Здравствуй, Ромочка, – женщина постаралась улыбнуться, и было видно, что ей очень неловко.

– Вот ведь как, – сказал Рома, стараясь ободрить женщину.

– Как мама? – спросила она в ответ, переводя разговор.

– Хорошо, заходите в гости, она рада будет.

– Да куда ж я этого-то оставляю?

– Ну да, – не вдаваясь в подробности ответил Рома. Они поднимались вместе на третий этаж.

– А ты к кому? – вдруг остановилась женщина на третьем и посмотрела на Колину квартиру.

– К товарищу, – ответил Рома. – Вы тоже здесь живете.

– Да... напротив... Вот, в тридцать пятой, – заволновалась женщина. – Ой, – и начала махать ладонью себе на лицо, после чего приложила руку к груди.

– Что такое?

– Дружили с Колькой? – спросила она, жалеючи.

– Да что случилось?

– Так умер он, ночью, – и закусила губу.

Рому словно пыльным мешком по голове огрели. Он не сразу понял, что сказала женщина. Слова он слышал, смысл их знал, но воедино составить у него не получалось.

– Что говорите? – переспросил Рома.

– Колька умер. Ночью. Выбросился из окна. Вот я в больницу и поехала с ним. С концерта своего, должно быть, вернулся; вчера ночью какой-то концерт был. Что ему в голову стукнуло? Молодой совсем, мальчик еще.

– Да вы о ком говорите-то?

– Да о товарище твоём...

– О Коле? – начало доходить до Ромы, и ему стало совсем нехорошо, что он даже присел на ступени. Живот скрутило, в сердце закололо, все тело бросило в жар.

– Рома-Рома-Рома, – причитая, помогла сесть ему Людмила Николаевна. – Я сейчас, – и скрылась куда-то за дверь. Затем вернулась со стаканом и накапала туда несколько капель какого-то лекарства.

– Вот, выпей, полегче станет.

– Угу, – взял Рома стакан и выпил. – Да нет, он дома, наверное, просто не открывает, я же вчера к нему заходил. Он долго не открывал, а потом открыл.

– Так то ночью произошло.

– А потом я на концерт пошел... – пытался вспомнить вчерашний вечер Рома. – Мы с Колей поговорили, и я пошел на концерт.

– На эмо этих?

– Готов, – проговорил тот, но абсолютно равнодушно. Он смотрел в одну точку, покачивался и пытался что-то вспомнить. – Потом мы с концерта шли, и скорая стояла.

– Да, это Кольку забирали.

– Теть Люд! – вдруг вскочил Рома. – Не Коля это был. Наш Коля на третьем живет, вот здесь, – и указал на дверь. – Не смог бы он разбиться, если бы спрыгнул. Ну, может он ногу сломал? Или простудился, и его забрали на скорой?

– Так он на девятый поднялся, и... Я лично принимала, – и зарыдала. Рома обнял ее, и они зарыдали вдвоем, потом на ступеньки сели.

– Я ему говорю, ты чего в шарагу не пришел, а он послал меня, злой такой был или расстроенный. Мы с ним не ругались, так что бы...

– А родители его где, не знаешь?

– Он с матерью живет, – сказал Рома. – Жил, – сквозь ком в горле выдавил парень.

– Не было ее дома: вчера все номера их оборвали, до утра наряд в квартире был, участковый наш матери его звонил.

– У него отец в Москве, а мать здесь должна быть, – вытирая щеки от слез, сказал парень.

– Ромка, я тебя к себе не приглашаю: там этот такой бардак устроил, извини, – сказала женщина.

– Ничего-ничего, – словно под влиянием гипноза, ответил молодой человек. – Я пойду наверно.

– Куда, стой? Я матери твоей наберу, – сказала Людмила Николаевна и ушла в квартиру, оставив дверь открытой. Но Рома встал и пошел вниз. На улице, на железной изгороди, сидел и засыпал муж Людмилы Николаевны, которого уже прилично запорошило снегом. Снег усилился, стал идти сильнее. Рома взглянул вверх, на девятый этаж, но из-за снега верхние этажи было так плохо видно, словно их и не было вовсе. «Это он летел все девять этажей. Почему? О чем он думал? Что он переживал в тот момент, когда падал и летел к земле? Когда видел, как она метр за метром приближается? Или он летел с закрытыми глазами, чтобы не видеть? Было ли ему страшно? Больно было чувствовать землю? Умер ли он сразу? Он мучился? На ту или эту сторону дома он спрыгнул?» – вертелись вопросы в голове Ромы, как вдруг, высоко-высоко, он увидел снежинку, чуть больше, чем все остальные. И Роме показалось, что это падает Коля; он сбросил рюкзак на землю и побежал к тому месту, куда летела снежинка, но ветер метал снег из стороны в сторону, и Рома бегал туда-сюда, думая про себя: «Я спасу тебя, я спасу!» Он даже отчетливо видел его уменьшенную фигурку, но иногда он терял снежинку из виду. И вот он, Коля-снежинка, летящий с белого неба прямо Роме в ладонь. Он приземлился мягко и растаял. Только тогда до Ромы дошел смысл всего случившегося. Он упал на колени и заплакал во весь голос, закинув голову. Он заревел раненым зверем – так тяжело на душе у него было. И, проревевшись, он еще раз взглянул на свои ладони, а затем шепнул: «Теперь я готов. Готов ко всему, к обряду посвящения, к переезду, к смерти, к жизни, к боли, страданиям, ко всему». «Представляете, душа еще ничего понять не успела, а тело уже увозят... Стоит, должно быть, смотрит вслед уезжающей скорой», – вспомнилась фраза Ленор, когда они проходили здесь вчера. Да даже не вчера это было, а всего несколько часов назад. И душа его здесь стояла и смотрела... А может, стоит, смотрит до сих пор и видит Рому, как тот ловит снег и отчего-то плачет.

Глава V. Время разбрасывать камни

Навсегда лишившись какой-то части своего «Я», которую так взращивал и старался сохранить парень, после вести о смерти друга изменился и он сам. Изменилось его сознание, его мировоззрение, и все вдруг стало другим. Многое, за что так цеплялся Рома раньше, было собрано по углам и полкам памяти и свезено на свалку за ненадобностью. Затем он занялся потрошением своей души и без жалости выкидывал оттуда все теплые слова, лучистые воспоминания – все, что грело душу. «Не по сезону!» – приговаривал Рома, сваливая в кучу все душевные радости от игры в футбол до празднования своего дня рождения. Он беспощадно отрекался от всех любимых дел, событий, планов, мечтаний. «Нет вас, все, немного вы и стоили, раз с вами так легко распрощаться», – приговаривал им вслед Рома. Правда, были какие-то красные ящики – просто неподъемные и словно кричащие о своей важности и необходимости находиться здесь, как огнетушитель в любом помещении. Он сам не заметил, как оказался возле городской управы района.

– И что я там забыл? – спросил он у себя.

– С мамой хоть простись, раз все так серьезно, – взмолился внутренний голос.

– Да зачем? – спросил он и пошел дальше.

– Как зачем? Почему зачем? Может, потому что она мать? Может, это и есть те самые красные ящики, что ты не можешь сдвинуть? Знаешь, а ведь они по умолчанию в душе и сердце каждого человека.

– Брось, откуда тебе-то знать? Ты это же и есть я. А я до такого умозаключения еще не дошел, следовательно, тебе не знать больше моего.

Он двигался куда глаза глядят, не совсем понимая, сколько еще кругов он будет так кружить вокруг да около здания и когда сможет пересилить себя и зайти к маме, чтобы хотя бы взглянуть на нее и тогда уже исчезнуть из ее жизни. Просто взять и раствориться. Чтобы никто не знал ничего о нем, чтобы все жили себе дальше, пили водку, шатались по двору раздетые, жрали семечки на улице как свиньи, спускали последние деньги на лотерейные билеты в надежде разбогатеть здесь и сейчас, не прилагая особых усилий, чтобы били своих жен, а жены били детей и мужей в ответ, заводили по десять собак и сорок кошек, каждый день пили пиво после работы или учебы – и вообще, оставались в этом городе и умирали, словно и не жили вовсе на этом свете. «Кто о них вспомнит?» – усмехнулся Рома. Мимо Ромы прошел его однокурсник и кивнул ему. Рома кивнул в ответ, а затем позвал его:

– Вась, – и жестом пригласил подойти.

– Тебе чего? На пары опоздаем, – заныл тот, но все же подошел.

– Ничего, главное, чтобы на целую жизнь не опоздать, Вась, – сказал Рома.

– Ты о чем? – не понял парень.

– Это я в принципе, – Рома сам не узнавал себя. Откуда появился этот спокойный тон в его голосе? Серьезный, уверенный. – Знаешь, Вась, не друзья они тебе. Ты хороший человек, и без них справишься. Подумай об этом.

– А-а-а, – стукнул себя по лбу парень, что было его привычкой. Он был типичный «очкарик», который очень хотел подружиться хоть с кем-нибудь. – Так я это знаю, – сказал парень и улыбнулся.

– То есть, как знаешь? – не понял Рома. – Они тебе не друзья, смеются над тобой, то напоят тебя чуть ли не до смерти. То в женском туалете запрут, как школьники, то рюкзак твой по всему коридору летает, пока ты не видишь. Я старался, правда, старался тебе помочь. Сколько раз я вступался за тебя в начале. Отмывал тебя от майонеза.

– Это были сливки, взбитые, – улыбался парень.

– Не суть, – продолжил Рома. – А тебе словно и все равно.

– Ром, хороший ты парень, да только спасибо, не стоит, – махнул рукой тот. – Знаю я все это, но, по крайней мере, они слушают меня.

– И ржут над всем сказанным.

– Я больше не сижу по вечерам дома.

– Потому что пьяный и забытый лежишь на скамейке или в песочнице, а все неравнодушные провожают тебя до дома.

– Угощают сигаретами.

– Браво, – похлопал Рома. – Веский аргумент. Еще есть, что добавить?

– Они моя компания, такая, какая есть, но я не одинок, а такие парни, как ты, Рома, только и знают что жалеть меня. А мне эта жалость поперек горла уже стоит, – и показал характерный жест.

– Тогда, думаю, ты знаешь, что делаешь, – и Рома поднял руки вверх и попятился назад. Вася так и остался стоять на месте.

– Все, что ты делаешь – это все лишь жалость, в которой я не нуждаюсь. Тебе должно быть выгодно помогать бедным и убогим, чтобы реализовывать лидерские амбиции за их счет. Но со мной этот трюк не прокатит, потому что ты не лидер. И вряд ли будешь им. Не с того ты начинаешь свой путь к вершине! – кричал Роме вслед паренек.

«Ишь, как заговорил? Ну и черт с ним», – подумал Рома и понял, что это была последняя капля жалости к кому-то.

Он еще раз обошел здание, где работала его мама, а затем все-таки вошел внутрь. Здесь было светло и тепло. Чистый, свежий паркет с небольшим количеством мокрых следов на нем, да и лужа на входе были не в счет, тем более что уборщица всюду орудовала шваброй. Пропускной пункт состоял из стола и амбала, сидящего за ним и отгадывающего сканворды.

– К кому, малец, – спросил тот и, встав из-за стола, буквально навис над Ромой.

– К Наталье Петровне, она на втором работает, уборщицей, – и, возможно, впервые Рома не испытывал чувства неловкости за мамину работу.

– Что ж ты молчишь, давай проведу, – сказал охранник, и, посадив на свое место шуплого напарника, которого не было даже видно из-за стола, пошел провожать Рому.

– Ты, стало быть, Роман?

– Да, – ответил тот.

– Наталья Петровна много о тебе рассказывала, говорит, футболом увлекаешься, – интересовался охранник.

– Да, было дело, интересовался.

– Бросил?

– Да, сегодня, – сказал Рома, увидев маму в конце коридора, и ускорил шаг, чтобы оторваться от сопровождения.

– Рома? Что случилось, на тебе лица нет, – запричитала мать с тревогой в глазах.

– Ничего, можно с тобой поговорить? – Рома обернулся назад, охранник стоял в том конце коридора, но мама ему помахала, и Рома тоже поднял руку, мол, «спасибо», и тот ушел.

– Что случилось? Давай, говори, – они опустили на банкетку, стоявшую здесь же.

– Мам, ты не только не волнуйся, – начал Рома.

– Да ты сам не свой, тем более после этой фразы я подавно переживать буду.

Тогда Рома опустил голову маме на плечо и рассказал обо всем, что случилось с Колей. Мать, конечно, тоже поразило это известие, что она даже заплакала.

– А самое страшное для матери, – говорила она, высмаркиваясь, – это пережить своих детей, тем более молодых и здоровых. Даже на один день – это очень страшно, – и обняла сына.

– Мам, знаешь, мне уехать нужно, – продолжил Рома.

– Как уехать? Куда?

- К Жене поеду, в Москву. Ты не переживай, Женя смог – и я смогу.
- Так Женя взрослым мужиком уехал, а ты куда? Нет, я не готова тебя отпустить.
- Мам, к нам не сегодня-завтра придет участковый, что мне ему говорить?
- Господи, этого еще не хватало! Ну, скажешь, как есть, тут ничего скрывать нельзя, помощь им нужно оказать, а они сами решат, что к чему.
- Просто я чувствую себя причастным к его гибели... Мам, ты только подумай: еще сутки назад мы с ним разговаривали, я же мог что-то изменить? Я же мог понять, что с ним что-то происходит. Мы же друзьями были.
- Не вини себя, сынок, Бог – он все видит... – и, сказав это, мать замолчала.
- А где он был, когда Коля с крыши падал? – Рома вскочил на ноги с банкетки и принялся ходить.
- Рома, я к тому, что ты ни в чем не виноват. Ни один суд тебя не осудит, покуда там, – она указала наверх, – так не решат.
- Все это глупости. Мама, – он посмотрел на женщину, которую меньше всего должен был расстраивать, и увидел, что она впервые в жизни не знает, что ему ответить, как поддержать, кроме как посетовать на Бога. – Я в любом случае уеду, а если что, ты ничего не знаешь, скажешь участковому, когда будет спрашивать, что я к тебе за ключами заходил. Хорошо?
- Да, – кивнула мать.
- Ну все, давай мам, увидимся, – и, наспех поцеловав ее в щеку, пошел по коридору, а когда поворачивал на лестницу, чтобы спуститься на первый, то обернулся и увидел, как она, полная растерянности, смотрит вслед своему сыну и не понимает, что происходит. От этой картины глаза предательски защипало, в горле стал ком, и Рома мгновенно отвернулся.
- Ключи забрал от дома, а то на учебу ушел, а ключи не взял, хорошо сейчас мобильная связь есть, – облокотившись на стойку охраны, сказал Рома.
- Да, хорошо, – кивнул охранник, снова принявшись за сканворды.

Рома быстро пошел домой, а придя достал из шкафа спортивную сумку и начал сгребать все вещи, но потом понял, что нужно взять все самое необходимое. Так, с не полностью набитой сумкой, он вышел из дома. Он решил хотя бы в этот раз не оборачиваться и пошел на автовокзал.

- Здесь, в стороне от всех, обособленной кучкой среди прочих стояли и его знакомые готы.
- Рейм, – помахала ему Ленор, как Рома тут же встретился взглядом с Миттэром, для которого Ромин приход словно не был неожиданностью.
- Как ты узнал, что мы уезжаем? По-моему, это невозможно, разве что ты не экстрасенс, – сказал Торн, пожав руку Ромы.
- Случайно, – избегая лишних вопросов, сказал Рома.
- Это очень круто, что пришел нас проводить. На тренировку не опоздаешь? – спросила Эмбер.
- Да нет, я в Москву еду, к брату, – и отвел взгляд.
- Когда твой автобус? – Торн смотрел на парня и, кажется, чувствовал его растерянность.
- Автобус? – переспросил Рома.
- Ну да, билеты на какой маршрут? – поддержала своего парня Эмбер.
- Билеты? Так я не брал еще, сейчас, – и он ушел в поисках кассы. Она находилась за углом. Ни очереди, ни толкотни не было, как бывало в летний период, когда многие уезжали. Как-то летом они с Женей отстояли огромную очередь, и билеты все равно не получилось купить, так как за два человека до них касса закрылась, билетов не было, да и по времени уходил последний, битком набитый автобус. В тот день Женя так и не уехал, пришлось возвращаться домой и приходить на вокзал рано утром, но Рома второй заход на вокзал уже не осилил и попрощался с братом заранее.

Автобус Ромы отправлялся через полчаса, поэтому он спокойно сел на металлическую лавочку напротив кассы, закрыл глаза.

В памяти всплыл тот самый сон, что снился ему ночью. «Может, таким образом Коля хотел попрощаться? Ведь он же уже умер к тому моменту», – и снова ком в горле и тяжесть на плечах завладели им. От нее было не скрыться, гнетущее чувство, словно сильная температура и болезнь с осложнениями, когда где-то внутри все ноет и не дает полноценно жить, дышать и двигаться. От этой усталости Рома задремал и проснулся, лишь когда кто-то осторожно коснулся его плеча.

– Не знаешь, касса еще будет работать? – перед ним стояла девушка-гот, та самая, которую он видел тогда с ребятами выходявшей из подъезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.